

Орешин Петр Васильевич

Жизнь учит

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П30

П30 **Петр Васильевич О.**
Жизнь учит / Орешин Петр Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2025. –
248 с.

ISBN 978-5-521-26409-4

ISBN 978-5-521-26409-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

раскомаривать через «о» занятную повесть о том, «как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем». Вот что значит — сделать маленькому человеку хоть небольшое удовольствие: всю свою жизнь, как бы велика она ни была, будет помнить Володька это невероятное чтение. На протяжении всей Володькиной жизни будет из туманного прошлого высовываться милый Казимир Казимирович, будет долго и пристально смотреть на Володьку посмеивающимися глазами, нашептывая в самое ухо:

— Славная бекеша у Ивана Ивановича! Отличнейшая! А какие смушки! Фу, ты пропасть, какие смушки! Сизые, с морозом!

И вздохнет на этом самом месте Казимир Казимирович, и горестно всплеснет руками, и скажет выразительно.

— Господи, боже мой! Николай чудотворец, угодник божий! Отчего же это у меня нет такой бекешы? Он сшил ее тогда еще, когда Агафья Федосеевна не ездила в Киев. Вы знаете Агафью Федосеевну? Та самая, что откусила ухо у председателя!

Да, да: весь класс в сорок две цветных головы катался со смеху по ободранным партам — ха-ха-ха! — хи-хи-хи! — хо-хо-хо! — солнце золотилось в окнах, по потолку бегал чудесный зайчик, — разве можно позабыть когда-нибудь великолепное чтение Казимира Казимировича, это редкостное веселье и неповторимого гоголевского председателя с откушенным ухом?

*

Удивительно Володькино существование. Никто не ходил за ним, никто не холил его, не замечал его частой задумчивости, не наблюдал за ним и не мог удовлетворить его сомнения и любознательность. Чему и каким

мудростям мог научить Володьку Василий Евграфович, вечный гостинодворский приказчик, коли сам он — либо пьян, либо с похмелья — не имел за душой ничего, кроме торговых способностей! Как он мог направить туда или сюда Володькину мысль, коли у него у самого не было никакой мысли! Утром, когда Володька спит еще, Василий Евграфович наденет крахмалку, расчешет перед зеркалом прямой пробор на голове, разгладит бороду на две стороны, галстук цветной нацепит и пойдет в магазин. В магазине Василий Евграфович целый день будет отмеривать на аршин ситцы и бархаты, будет уговаривать и барина, и мужика, и попа, и офицера, и деревенскую бабу, и всякого городского покупателя, договорится до полного одурения и в десять часов вечера, когда магазин закроют, завернет с приказчиками в какой-нибудь ресторанишко и пропьет там под органную музыку последние два-три рубля. А на следующий день — опять в магазин, из магазина — в трактир, из трактира — домой, и так всю жизнь... до Володьки ли тут?

А Володькина мать, Агафья Осиповна! Темная, забитая горшками и кулаками женщина, сама еле-еле по складам читает, писать не умеет, — куда она могла позвать Володьку и о чем рассказать? Как она могла управлять Володькиной жизнью! Агафья Осиповна хорошо знала только одно: выловить из кармана пьяного Василия Евграфовича завалившийся полтинник или двугривенный, чтобы не остаться завтра без хлеба, да посетовать вечерней порой с бабами на свою судьбу, да заштопать Володькину рубаху, да, обливаясь слезами, поцеловать его черные вихры перед сном, и за то ей спасибо вечное! От мелких забот, от страха перед завтрашним днем старела Агафья Осиповна, волосы из головы лезли прядями, дни суматошные, глаза какие-то

испуганные, — уж куда ей за Володькиной жизнью смотреть? День и ночь сидит она за швейной машинкой, рубашки на базар шьет — по три копейки за штуку, верещит машинка, рвутся поминутно гнилые нитки, роятся в растрепанной голове горькие думы о завтрашнем дне.

А бабушка Федоровна! Она совсем постарела. У ней стало плохое зрение, из голубых глаз постоянно катятся слезы, ноги затекают водянкой, руки трясутся, и Володька только и слышит от нее «охи» да «ахи», — какого ума мог он набраться от бабушки? Если он, допустим, не может решить какую-нибудь задачу, бабушка говорит ему:

— Молись! Бог поможет.

Если у него разболелся живот, бабушка ему опять:

— Молись! Все пройдет.

Если нет башмаков, бабушка и тут сумеет утешить:

— Молись! Бог даст.

У кого тут мог Володька чему-нибудь научиться? Пустое поле, хоть шаром покати. Кажется, подуей кто-нибудь на все эти деревянные домишки, и разлетятся они пером и пухом над улицей, и следа от всей этой Володькиной жизни никакого не останется. Рос, как колючий репей в овраге, ходил, как в тумане, жил неизвестно зачем и к чему: играл с ребятами в бабки, бегал по оврагу, сидел с удочками на Волге, и если бы его кто-нибудь спросил, для чего он ходит в школу и переводит бумагу на разные задачи и «сочинения», Володька ничего на эти вопросы не ответил бы, потому что и в самом деле не знал — для чего!

*

Густой туман совсем заволок Володьку. Тот, кто не жил в доподлинной нищете, едва ли может поверить

этим непроглядным туманам, в которых задыхается всякая мысль. Володька страдал, сам не понимая от чего, и фантастические мечтания о лучшей жизни донимали его. Ничего как будто не случилось, а жить стало страшно. Но почему же страшно? Ведь Володька даже не понимал того, что он живет в нищете. Ему и во сне не снилось — жить лучше, хотя на Кирпичной улице были счастливые люди, о которых Володька слышал кое-что, похожее на сказку. Да взять хотя бы Санечку Протасова.

Зашел однажды Володька к Санечке Протасову, который никогда на Кирпичной улице и в овраге не показывался. Жил Санечка Протасов в большом деревянном доме, в глубине огромного пустыря, заросшего лопухами и лебедой. Окна в доме большие, крыльцо с деревянным навесом, перед окнами белая сирень на ветру помахивает. Володька храбро вошел в дом, вытер о половики босые ноги, да как глянул из кухни в следующую комнату, так и застыл на месте от удивления. Комната светлая, скатерти на столах чистые, полы выкрашены, вдоль высокой стены книги на полках лежат. В одном углу — зеркало до самого потолка, там и сям картины в золотых рамах висят, и возле книжного шкапа — стол под зеленым сукном и кресло.

— Заходи, заходи! — смеется Санечка, смуглый, кучерявый парень. — Погляди, сколько у нас книг!

Володька смутился, пробежал жадными глазами по книжным корешкам, погладил рукой розовую папку на столе и вспомнил свой собственный дом, в котором он за всю свою жизнь не видел ни одной книжки, кроме своих учебников. Спросил Санечку Протасова:

— А зачем эти книги?

Санечка Протасов развалился на кресле.

— Читать.

- А зачем читать?
- Чтобы быть образованным.
- А зачем надо быть образованным?
- Чтобы деньги зарабатывать.
- А зачем деньги зарабатывать?
- Чтобы жить.
- А зачем жить?

Санечка Протасов задумался, поглядел на Володьку недоумевающими глазами и, следуя примеру своего отца, потер себе двумя пальцами лоб.

— Видишь ли... Мой папа в помощниках капитана по Волге ходит, ему необходимо нужно иметь свою библиотеку, он много читает. А я буду учиться на капитана. Только я не буду на волжских пароходах плавать. Мне надо быть морским капитаном. Я буду плавать на кораблях... в океане!

Володька усиленно напряг память: где это он слышал об этих самых кораблях и океанах? Ба, да ведь это он в каких-то учебниках вычитал. Вот, оказывается, для чего учиться-то надо, и Володьке стало приятно от мысли, что и он тоже знает кое-что. Спросил с достоинством:

— А как же ты в океанах будешь кораблем управлять? Океан большой, улицы там не написаны... заплутаешься!

— А компас-то зачем! — опять засмеялся Санечка Протасов. — Вот он, гляди! — и показал Володьке какую-то металлическую штуковину. — Видишь? Вот тебе восток, вот запад, вот север, вот юг.

Володька внимательно оглядел чудесную эту штуковину, ничего в ней, конечно, не понял и незаметно для самого себя погрузился в свои совершенно фантастические размышления.

— В океане сколько тыщ верст?

Санечка подумал.

— Не знаю. Очень много.

— А ты будешь плавать по компасу?

— Да.

— И днем и ночью?

— Конечно.

— Ну, а если ты потеряешь компас! Пойдет буря, наступит ночь, будет темно, тогда как?

Санечка Протасов вылез из кресла.

— Тогда я могу плыть...

Подумал еще.

— По звездам!

Володька от восторга чуть не заплясал: никогда бы ему самому до таких путеводных чудес не додуматься. Ведь сказать легко: в океане по звездам плыть! И показался ему тут Санечка Протасов таким разумником, куда там бабушке Федоровне, или Агафье Осиповне, или даже самому Василию Евграфовичу! Подружился с Санечкой. По вечерам вместе с ним бегал на Духосовщенскую площадь в библиотеку книги для Санечки менять, влюбился в белокурую девочку Таню и по ее вине прочитал три книжки: про Бову Королевича, про Еруслана Лазаревича и о том, как львица царского сына где-то в пустыне от голодной смерти спасла. Вот интересные книжки были: Володька прямо плакал над ними от умиления. Читал бабушке Федоровне, и бабушка Федоровна плакала. Матери читал, и мать тоже плакала. Но все эти книжные дела скоро кончились: Санечка Протасов куда-то уехал, в библиотеку ходить стало не с кем, а дома от Василия Евграфовича только и слышно:

— Брось ты, Володька, книжонки эти! Хочешь в магазинные мальчики? Завтра же устрою!

И Агафья Осиповна тоже:

— Уж чего лучше приказчиком быть! Жалованье хорошее, одеваются чисто, глядеть приятно!

Ну, и бабушка, конечно:

— Ах, иные-то приказчики хорошо живут! Денег много. Не пьют. В храм божий ходят. Да чистые, да опрятные!

Соблазнили Володьку, и Володька, сидя в репьях или шляясь по Соколовым горам, стал думать: «буду приказчиком». Так невольники и рабы мечтают о свободе. Так, попавшись в клетку, соловей поет о лесных просторах, о золотом раннем утре, о тихих березовых сумерках.

*

В том же дворе, где жил Володька, появилось новое семейство: чиновник казенной палаты с женой и сыном. Сам чиновник, Алексей Прокофьевич Снегуркин, ничего особенного из себя не представлял: сухой, сутулый, пожилой человек в ветхом пальто, подмышкой у него — синяя папка, на коротко остриженной голове — форменная фуражка, ходил, глядя в землю, с соседями за целый год жизни ни одним словом не обмолвился. Жена его, Гликерия Петровна, ростом в полтора раза выше его, женщина строгая, манеры у ней и речь — спесивые, жила уединенно, и бабы во дворе с первого же взгляда сразу решили, что Гликерия Петровна не иначе, как «барыня».

Володька на эту замечательную пару, неожиданно появившуюся на горизонте Кирпичной улицы, не обратил никакого внимания, — мальчишка, чего с него спрашивать. Но был у них сын Сергей, этого Володька заметил: высокий парень, худой, ростом в мать пошел, а нахмуренными бровями — в отца. Володька слышал, что Сергей Снегуркин — парень не из простых, но пропустил это сообщение мимо ушей: на Кирпичной

улице никаких чинов не соблюдалось, все равны, все одинаковые! Ходили вместе на Соколовы горы за желтым песком, рылись под колокольным заводом в земле, отыскивая для продажи медные обрезки, запускали под самые облака бумажного змея и были друзьями. Сергей учился в одной школе, Володька — в другой, — обе школы в разных концах находились. А потом случилось так: Сергей Снегуркин и Володька очутились оба в четырехклассном городском училище, ходили на занятия вместе и возвращались вместе. Так дожили до зимы.

Вышел однажды Володька из дому: метель поднялась, все крыльцо и тропинку к воротам засугробило снегом, через весь Глебучев овраг неслась белая завихруха, малые домишки засыпаны по самые окна. Володька осторожно постучал в окно. Сергей вышел, обвязанный с головы каким-то вязаным платком, на ногах — валенки. Обогнув небольшой палисадник, стали спускаться в овраг. Сергей шел впереди, осторожно нащупывал в снегу твердое место и проторял дорогу. Володьке его медлительность не понравилась, и он толкнул его в спину. Сергей оглянулся, оттолкнулся локтем.

— Чего торопишься?

А круто было.

— Лезь, лезь! — засмеялся Володька. — Опоздаешь в школу, хорошего мало! — и опять подтолкнул.

Сергей вдруг рассвирепел, рванул кулаком по воздуху, а глаза у него — как у отца, волчьих. Володька видит, дело не на шутку пошло, дал изо всех сил Сергею ногой в плечо, и Сергей неуклюже покатился вниз. Снег падал густо, даже построек не видно. Сергей побежал по дороге один. Володька — за ним. Начались перекоры. Сергей погрозил, что он заявит на Володь-

ку инспектору Спиридону Мартынычу. Володька весело засмеялся.

— Плевал я на твоего инспектора!

Сергей оглянулся.

— И про это скажу! Не имеешь права на инспектора плевать!

— А я наплевал! — задорно повторил Володька.

— И папе моему скажу!

— И на папу твоего наплевал!

— Как? На папу? — повернулся Сергей всем корпусом. — На моего папу плевал? Права не имеешь! Мой папа в казенной палате служит! Мой папа дворянин!

— Мой тоже дворянин! — буркнул Володька.

Вылезли из оврага, остановились на краю.

— Твой — не дворянин, — сказал строго Сергей, — а... дворняжка! Самая простая дворняжка!

Тут Володька, не говоря ни слова, схватил Сергея в обхват, приподнял на воздух и со всего размаха кинул под гору. И когда тот летел в глубину оврага, обсыпаясь снегом, Володька сверху потрясал обоими кулаками и иступленно кричал:

— Плевал я на твоего инспектора! На твоего папу! На твою маму! На твоего дедушку! На твою бабушку! На твою казенную палату, харя поганая!

*

Детство, детство! Кого ты ласкаешь, осыпаешь счастьем, как цветами, а кого и бьешь немилосердно, обходишь лаской и счастьем, и даже вспоминать тебя в зрелые годы не хочется. Одних ты бережно ведешь за руку по верной дороге, и радостная улыбка не сходит с лица обласканного, а других ты бросаешь на произвол судьбы, неисправимо калечишь на веки вечные

и уродуешь. Одним ты даешь все человеческие возможности, открываешь им все дороги, распахиваешь все двери, а других загоняешь в душные щели жизни, покрываешь дороги удушливым туманом, закрываешь все двери и заставляешь человека ходить всю жизнь с завязанными глазами.

Но Володька был еще глуп, не понимал самых простых вещей, и потому был счастлив, даже не возмущался, даже не жаловался. Он еще умел хорошо смеяться и крепко спать по ночам. Он еще верил в доброго бабушкиного «боженьку», который, по словам бабушки, каждое утро, закутавшись в голубой туман, стоя на коленочках, раздувает добрыми губами солнечный жар, чтобы всякому человеку на земле было тепло и весело. Он был даже весьма прилежным художником, когда цветными карандашами размалевывал под вечерней лампой какую-нибудь картинку в учебнике. Но у него не было под руками такого человека, который направлял бы всего его мечтания в лучшую сторону, и Володька невольно жил без пути, без дороги, слепыми случаями, день прошел — и слава богу. От нечего делать он завел себе однажды четыре воробьиных гнезда, каждого воробья звал по имени, приручил к себе, кормил их из рук белой кашей, и это очень забавляло его. Любил рисовать деревья, деревенские избы, луну над вечерним лесом и бросал картины свои в поганое ведро: для чего они ? Кому они нужны? Баловство одно!

*

Весной на Кирпичной улице мутная вода не журчит, как в центре города, а ревет по дорогам, гремит и пенится, скатываясь в овраг. Возле домов и заборов — сухая земля, кое-где топырятся зеленые усики. Володька сидит под худым забором, греется на теплом солныш-